

годою Батюшковъ не разъ и по долгу живаль въ Москвѣ. Москва того времени была, безъ сомнѣнія, очень оригинальна. Заброшенная столица, она сохраняла, однако, разнообразное значеніе стариннаго центральнаго города, гораздо больше богатаго тогда, чѣмъ теперь, памятниками, обычаями и преданіями старины; здѣсь былъ пріютъ стараго боярства, которое отправлялось сюда жить на покой послѣ политическихъ придворныхъ тревоженій, которыми такъ богато было XVIII-ое столѣтіе, и гдѣ, забытое Петербургомъ, не встрѣчало препятствій своему нраву и разнообразило свой вѣкъ всякими причудами, средства на которыя давало накопленное въ счастливые годы крѣпостное богатство; здѣсь съ до-петровскихъ временъ хранилась нерушимо бытовая старина, не сломленная реформой; но здѣсь же былъ и пріютъ новыхъ дворянскихъ нравовъ: по словамъ Карамзина, Москва была „столицей руссійскаго дворянства“, куда охотнѣе, чѣмъ въ Петербургъ, „отцы везутъ дѣтей для воспитанія и люди свободные ѣдутъ наслаждаться пріятностями общежитія“. Много дѣлало при этомъ то, что Москва и въ новой имперіи осталась старымъ топографическимъ центромъ, который гораздо ближе Петербурга былъ къ среднимъ губерніямъ, составлявшимъ производительный центръ Россіи и владѣвшимъ наиболѣе многочисленнымъ помѣщичьимъ населеніемъ. Словомъ, Москва больше, чѣмъ какой-нибудь другой русскій городъ, совмѣщала въ себѣ все разнообразіе бытовыхъ формъ до-петровскихъ и послѣ-петровскихъ, старинные нравы, вѣрные Домострою, и новѣйшее образованіе на французскій ладъ, всю пестроту жизни, выведенной изъ прежняго однороднаго покоя и не установившейся въ новомъ бытовомъ складѣ. Дѣвятнадцатый годъ унесъ безвозвратно многое изъ этой старой Москвы и, можно сказать, вмѣстѣ съ этимъ унесъ многое изъ цѣлаго русскаго быта: погибло много памятниковъ старины и много старыхъ обычаевъ, которые уже не возвратились въ Москву, заново построенную и заново населенную... Эту именно Москву описываль Батюшковъ въ статьѣ: „Прогулка по Москвѣ“ (1810). Батюшковъ не былъ москвичъ, и естественно, что его должна была поразить картина жизни, слишкомъ непохожей на ту, какую онъ видалъ въ Петербургѣ. Онъ очень замѣтилъ эту разницу, догадывался о сложномъ историческомъ характерѣ, который представляла Москва; ему бросились въ глаза разнообразіе и противорѣчія московской жизни; онъ былъ достаточно умнымъ наблюдателемъ, — и тѣмъ не менѣе его картина мало удовлетворить наши ожиданія. Передъ нимъ былъ богатый матеріаль для картины; онъ самъ пересчитываетъ этотъ матеріаль,